ХРОНИКИ ПЕТЕРБУРГСКОГО СЫСКА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

А. В. ГОРОХОВ

ЗОЛОТОЙ ХРОНОМЕТР С ОБВОДНОГО

А. В. Горохов

Золотой хронометр с Обводного

«Автор»
2026

А. В. Горохов

Золотой хронометр с Обводного / А. В. Горохов — «Автор», 2026

Поздняя осень 1837 года. Петербург ликует: в первый рейс по Царскосельской дороге уходит паровоз «Проворный». Но торжество омрачает убийство: в наглухо запертом изнутри купе первого класса найден мертвым богатый купец Ипполит Кравцов, а рядом с телом — часовой пуансон с клеймом мастерской Корнелия Штерна.Оказавшись под ударом полиции, педантичный часовщик начинает собственное расследование. Главная зацепка — старинный золотой репетир Бреге с потайным двойным дном, который покойный принес ему накануне гибели. Сквозь ноябрьские туманы Обводного канала, грохот литейных мастерских, блеск Английской набережной и леса строящегося Исаакия Штерн идет по следу безжалостного заговора. Охота уже открыта — на кону не только честное имя, но и жизнь мастера и его племянника.«Хроники Петербургского сыска»: самостоятельные исторические детективы о тайнах дореволюционного Петербурга — серию можно читать с любой книги.

© А. В. Горохов, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Часть 1. Застывшие стрелки 9
Глава 1 9
Глава 2 13
Глава 3 17
Глава 4 20
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Золотой хронометр с Обводного

Пролог

Тридцатое октября 1837 года выдалось в Санкт-Петербурге ветреным, по-осеннему промозглым, с той особенной колючей сыростью, что пробирает до самых костей, едва успеешь выйти из натопленных сеней на улицу. Однако сегодня погода не имела ни малейшего значения. Вся столица, от титулярных советников до мастеровых, казалось, стянулась к набережной Введенского канала, где возвышалось приземистое, пахнущее свежим тесом и олифой здание первого в Империи железнодорожного вокзала.

Толпа гудела, волновалась, напирала на деревянные ограждения. Полицейские будочники в тяжелых шинелях и с алебардами наперевес едва сдерживали натиск зевак. В морозном воздухе плыли запахи жареных каштанов, дешевого табака, конского навоза, но все это перебивал новый, пугающий и одновременно будоражащий кровь аромат — густой дух горящего каменного угля, разогретого металла и кипящей воды.

У платформы, окутанный клубами сизого пара, тяжело дышал железный исполин — паровоз «Проворный», недавно доставленный из Англии. Его огромные медные детали тускло поблескивали в свинцовом свете пасмурного дня, а из высокой трубы с шипением вырывались пепельные султаны дыма, мгновенно сдуваемые прочь порывистым балтийским ветром. Машинист в перепачканной сажей суконной куртке деловито возился у вентилей, готовя невиданную машину к первому торжественному рейсу до Царского Села. За локомотивом вытянулась вереница вагонов: открытые шарабаны для публики попроще и роскошные, блестящие лаком берлины и дилижансы первого класса, предназначенные для важных особ, министров и акционеров дороги.

Коммерции советник Ипполит Семенович Кравцов, грузный мужчина сорока четырех лет, с багровым от холода и выпитого за завтраком коньяка лицом, медленно прокладывал себе путь сквозь почтительную суету перрона. На нем была тяжелая медвежья шуба с бобровым воротником, стоившая целое состояние, а на голове красовался безукоризненный парижский цилиндр. Кравцов шел тяжело, опираясь на трость с серебряным набалдашником в виде львиной головы, но внутри у него все пело от предвкушения грандиозного триумфа.

Он, купец первой гильдии, сколотивший капитал на поставках чугунных рельсов и шпал, сегодня готовился сорвать куш, который вознесет его на самую вершину петербургского делового мира. В надежном сейфе у часовщика на Большой Морской хранилось его главное сокровище — старинный репетир работы самого Абрахама-Луи Бреге, не просто часы, а ключ к тайной двойной бухгалтерии, изобличающей всех этих заносчивых аристократов из правления дороги, включая самого барона фон Рихтера. Кравцов довольно усмехнулся в густые бакенбарды. Теперь они будут плясать под его дудку. Монополия на поставки для будущей дороги на Москву будет принадлежать только ему, Ипполиту Кравцову. Иначе эти господа отправятся прямиком на каторгу в Сибирь, звеня казенными кандалами.

— Ваше высокородие, пожалуйте-с! — услужливый кондуктор в новой, с иголочки, униформе с золотыми галунами распахнул перед купцом дверцу отдельного купе-дилижанса первого класса. — До отправления считанные минуты. Молебен уже отслужили.

Кравцов, пыхтя, поднялся по кованым ступенькам и втиснулся в вагон. Внутри пахло дорогой кожей, лаком и свежей обивкой. Купе было рассчитано на четырех пассажиров, но Ипполит Семенович, не терпевший чужого присутствия в моменты раздумий, выкупил его целиком, отдав за это удовольствие немалую сумму серебром.

Он снял цилиндр, бросил его на противоположное сиденье и с наслаждением опустился на мягкий диван, обтянутый бордовым сафьяном. Пружины под ним едва слышно скрипнули, принимая немалый вес коммерции советника. Кравцов сунул руку за пазуху шубы, нащупал

цепочку часов и успокаивающе похлопал себя по груди: простые серебряные часы при нем, а главный золотой козырь надежно спрятан у мастера. Шах и мат, господин барон.

Снаружи раздался пронзительный, режущий уши свисток паровоза, от которого, казалось, содрогнулись стекла в окнах. Толпа на перроне взорвалась криками «ура!», в воздух полетели шапки. Раздался лязг железной сцепки, вагон вздрогнул, так что Кравцов едва не прикусил язык, и медленно, со скрипом, покатился вперед.

Купец плотно притворил дверь купе и, повернув медную задвижку, заперся изнутри. Ему совершенно не хотелось, чтобы в пути к нему заглянул какой-нибудь докучливый кондуктор или знакомый из соседнего вагона. Затем он протянул руку и задернул тяжелые бархатные гардины на окнах, отгораживаясь от мелькающих снаружи серых заборов, складов и машущих руками людей. Полумрак купе показался ему уютным, как материнская утроба.

Поезд набирал ход. Стук колес на стыках рельсов учащался, превращаясь в мерный, гипнотический ритм: тук-тук, тук-тук. Вагон ощутимо покачивало. Для петербургского обывателя скорость в тридцать верст в час казалась чем-то невообразимым, демоническим, но Кравцов лишь довольно жмурился, наслаждаясь теплом и мягкостью сафьянового дивана. Он откинул голову на высокую спинку, закрыл глаза и начал в уме прикидывать барыши от будущих контрактов на поставку чугуна. Тысячи, десятки тысяч полновесных серебряных рублей выстраивались в его воображении ровными, блестящими столбиками.

Прошло около пятнадцати минут с момента отправления. Локомотив, изрыгая пламя и дым, несся сквозь унылые осенние поля, разрезая холодный воздух. В купе царила тишина, нарушаемая лишь перестуком колес и завыванием ветра в щелях оконных рам.

Ипполит Семенович пошевелился, устраиваясь поудобнее, и плотнее вжался спиной в кожаную обивку. В этот момент сквозь шум поезда до его слуха донесся странный, сухой звук, раздавшийся, казалось, из самых недр дивана. Щелчок, похожий на звук взводимой пружины в крупных часах.

Купец лениво приоткрыл один глаз, не понимая спросонья, что это было. И тут же, в ту самую секунду, как внутри дивана со звоном освободилась тугая стальная пружина, Кравцов почувствовал чудовищную, парализующую боль.

Удар был нанесен сзади, точно в основание черепа, чуть ниже края медвежьего воротника. Острое, как игла, лезвие пробило кожу, мышцы и глубоко вошло в плоть, разрывая жизненно важные узлы. Кравцов судорожно вдохнул, пытаясь закричать, но из горла вырвался лишь булькающий хрип. Его глаза широко распахнулись в темноте купе, наливаясь кровью. Руки инстинктивно взметнулись к затылку, но пальцы наткнулись лишь на гладкую кожу обивки — невидимое жало, сделав свое смертоносное дело, мгновенно скрылось обратно в недрах спинки, втянутое возвратным механизмом.

Огромное тело купца выгнулось дугой. Судорога свела мышцы. Кравцов попытался встать, его рука судорожно вцепилась в бархатную гардину, срывая ее с бронзовых колец. Тяжелая ткань рухнула вниз, впуская в купе тусклый дневной свет. Коммерции советник захрипел, из уголка его рта потянулась ниточка кровавой слюны. Он сделал неверный шаг к двери, но ноги отказали. С глухим стуком Ипполит Семенович Кравцов рухнул на узорчатый ковер, перевернув по пути небольшой дорожный столик. Его грузное тело несколько раз содрогнулось в конвульсиях, пальцы скребли ворс ковра, словно пытаясь удержаться за ускользающую жизнь. Затем глаза его остекленели, уставившись в потолок, украшенный лепной розеткой, и коммерции советник замер навсегда.

А поезд «Проворный», не сбавляя хода, летел вперед, сквозь клубы пара и дыма, унося в запертом купе мертвеца к конечной станции.

Торжественное прибытие первого поезда в Царское Село сопровождалось небывалой помпой. Военный оркестр грянул туш, как только медный нос паровоза показался из-за пово-

рота. Нарядная публика, дамы в пышных платьях и салопах и офицеры в эполетах, заполнили перрон, приветствуя историческое событие.

Кондукторы, суетясь, бросились открывать дверцы вагонов, выпуская высокопоставленных пассажиров. Смех, поздравления, звон шпор и шелест шелка наполнили воздух. Лишь у одного купе первого класса возникла заминка.

Услужливый кондуктор с галунами дернул медную ручку дилижанса, но та не поддалась.

— Ваше высокородие! Извольте выходить-с, прибыли! — крикнул он, постучав в окно, но ответа не последовало. Окно наполовину было закрыто сорванной гардиной, и сквозь стекло виднелась лишь неестественная пустота на сиденьях.

Кондуктор заволновался. Он позвал жандармского унтер-офицера, дежурившего на платформе. Тот, хмуря усы, с силой налег на дверь плечом. Замок жалобно хрустнул, задвижка слетела с петель, и дверь распахнулась.

Унтер-офицер шагнул внутрь и тут же отшатнулся, побледнев как полотно.

На полу, уткнувшись лицом в ворс ковра, лежал Ипполит Кравцов. Его роскошная медвежья шуба сбилась, цилиндр валялся в углу.

— Господи помилуй, никак преставился… — пробормотал кондуктор, крестясь дрожащей рукой.

На крики сбежались полицейские чины и путевое начальство. Тело осторожно перевернули. На лице мертвеца застыла гримаса ужаса, а воротник рубашки сзади пропитался темной, уже начавшей сворачиваться кровью. Никакого оружия, ни ножа, ни пистолета, в запертом изнутри купе не было. Дверь была закрыта, окна целы. Казалось, смерть поразила купца невидимым перстом с небес.

Но наметанный глаз жандармского поручика, руководившего оцеплением, вдруг уловил блеск металла на полу, рядом с тем местом, где только что лежала голова убитого. Он наклонился и брезгливо, двумя пальцами в белой перчатке, поднял странный предмет, выпавший, очевидно, из складок одежды покойного.

Это был небольшой стальной стержень с утолщенной граненой рукоятью, конец которого был испачкан в крови. Инструмент, явно не принадлежавший коммерции советнику.

— Что это за дрянь? — нахмурился поручик, поднося предмет ближе к свету, падающему из окна. — Никак швайка какая-то?

Приглядевшись, он заметил на плоской грани рукояти клеймо, выбитое в металле с невероятной четкостью. Поручик прочел вслух:

— «Пуансонъ часовой. Мастерская К. Штерна. С.-Петербургъ».

Ветер за окном вагона взвыл с новой силой, словно аккомпанируя началу этой запутанной и мрачной истории, стрелки в которой уже начали свой неумолимый ход к полуночи.

Часть 1. Застывшие стрелки

Глава 1

Туманное утро последнего дня октября тяжело и неохотно наползало на Санкт-Петербург. Густая, пропитанная ледяной балтийской влагой мгла глушила звуки и размывала строгие очертания домов на Большой Морской улице, превращая их в призрачные, расплывчатые громады. Редкие масляные фонари, в которых уже догорало прогорклое конопляное масло, бросали на мокрые, блестящие от ночного дождя булыжники тусклые желтоватые пятна. Эти блеклые островки света походили на брошенные в грязь потускневшие медные пятаки. Город только начинал пробуждаться. Где-то вдалеке, за плотной серой пеленой, глухо и ритмично громыхала по булыжникам телега водовоза, да монотонно, с раздражающим постоянством шуршала жесткая метла раннего дворника, сметающего намокшую палую листву в сточные канавы. В такую погоду добрый хозяин не выгонит на улицу собаку, но для Корнелия Федоровича Штерна зябкая осенняя сырость за окном была лишь несущественной деталью, фоном для его собственной, идеально выверенной вселенной.

В мастерской Штерна, расположенной на первом этаже добротного каменного дома, царил свой собственный микроклимат, пропитанный густым, специфическим ароматом. Здесь пахло терпким часовым маслом, благородной латунью, стальной стружкой, разогретым сургучом и сухой древесиной ореха, из которой изготавливались корпуса напольных часов. Но главным в этом помещении был не запах, а звук. Мастерская дышала, жила и пульсировала тысячами невидимых сердец. Со всех сторон — со стен, с массивных дубовых прилавков, из стеклянных витрин — доносилось непрерывное, многоголосое тиканье. Глубокий, размеренный бой тяжелых английских маятников переплетался с торопливой, серебристой дробью швейцарских карманных луковиц, а сухое щелканье морских хронометров задавало этому механическому хору строгий, неумолимый ритм. Для кого-то эта какофония могла бы показаться сводящей с ума, но для Корнелия она была лучшей музыкой на свете — музыкой абсолютного порядка.

Мастер сидел за своим рабочим верстаком, обитым зеленым сукном, низко склонившись над разобранным механизмом французских каретных часов. Свет от масляного кенкета с рефлектором падал точно на полированную металлическую платину, высвечивая мельчайшие детали. Штерну было тридцать восемь лет. Это был сухощавый, педантичный человек с острыми, резкими чертами лица, на котором редко можно было прочесть какие-либо эмоции. Его темные волосы были гладко зачесаны назад, а высокий лоб прорезала глубокая морщина — след постоянной сосредоточенности. В его движениях, скупых и невероятно точных, чувствовалась уверенность хирурга.

В правый глаз часовщика была плотно вставлена ювелирная лупа в роговой оправе. Вооружившись тончайшим пинцетом, Корнелий Федорович затаил дыхание. Он осторожно, с нежностью, доступной лишь истинному творцу, устанавливал на место крошечный балансир. Для Штерна мир людей давно утратил свою привлекательность. Семь лет назад, когда по ложному навету в пособничестве контрабандистам его с позором изгнали с должности придворного механика, Корнелий навсегда усвоил один жестокий урок: людям верить нельзя. Человеческая природа изменчива, полна лжи, алчности и предательства. То ли дело механизмы. В часах нет места двуличию. Каждая шестеренка, каждая пружина подчиняется строгим законам физики. Здесь царит чистая логика причин и следствий. Если механизм сломан, значит, где-то стерся зубец или загустело масло. Достаточно найти причину — и порядок будет восстановлен.

Тонкий кончик пинцета коснулся оси балансира. Штерн чуть подался вперед, готовясь закрепить деталь мостом, как вдруг эта идеальная гармония была безжалостно разорвана.

С улицы донеслись грубые крики, топот тяжелых сапог, а в следующее мгновение входная дверь мастерской содрогнулась от чудовищного удара. Звякнул колокольчик, сиротливо болтаясь на пружине. Второй удар — и хлипкий засов, жалобно скрипнув, вылетел из пазов. Дверь распахнулась настежь, ударившись о стену с такой силой, что с полки сорвались и разбились вдребезги старинные песочные часы. В помещение ворвался клубящийся серый туман, а вместе с ним — холодный, колючий ветер и люди.

Корнелий медленно, не делая резких движений, положил пинцет на сукно и вынул из глаза лупу.

В мастерскую, тяжело топая подкованными сапогами, ввалились четверо будочников в грубых серых шинелях. Их алебарды с лязгом задевали дверные косяки и деревянные панели прилавков. Следом за ними, отряхивая капли влаги с форменного сюртука, вошел квартальный надзиратель — тучный, краснолицый мужчина с жидкими усами и тяжелым, подозрительным взглядом маленьких поросячьих глазок. От него густо разило вчерашним перегаром и дешевым табаком.

— Корнелий Федорович Штерн, цеховой мастер? — хрипло гаркнул квартальный, не утруждая себя приветствиями.

— Вы сломали мне замок, господин надзиратель, — холодно отозвался Штерн, не вставая со стула. — Хотя на двери висит табличка, ясно гласящая, что мастерская открывается в восемь часов утра. Сейчас без четверти восемь.

— Молчать! — рявкнул офицер, побагровев. — Ты еще будешь меня учить, немецкая морда, когда мне к тебе приходить? Обыскать здесь все! Ищите скрытые ящики, тайники, двойные стенки! Ищите бумаги!

Будочники, словно спущенные с цепи псы, бросились к шкафам и прилавкам. Затрещало дерево. Один из полицейских грубо смахнул на пол коробку с точными инструментами, другой принялся вытряхивать содержимое выдвижных ящиков прямо на паркет. Звон падающих латунных деталей, хруст стекла и треск разрываемой бумаги наполнили помещение. Штерн смотрел на это варварство с ледяным спокойствием, хотя внутри у него все сжалось в тугой, болезненный комок. Они уничтожали его мир, топтали грязными сапогами его безупречный порядок.

— Могу я узнать причину этого погрома? — ровным, лишенным эмоций голосом поинтересовался часовщик, скрестив руки на груди. — На каком основании вы врываетесь в дом гильдейского мастера?

Квартальный тяжело подошел к верстаку, уперся потными ладонями в зеленое сукно и навис над Штерном, обдавая его зловонным дыханием.

— На основании того, господин механик, что ты обвиняешься в преднамеренном и подлом убийстве, — с садистским удовольствием произнес полицейский. — Вчера пополудни, в поезде Царскосельской железной дороги, был лишен жизни коммерции советник Ипполит Семенович Кравцов. Убит предательским ударом в затылок.

Штерн слегка приподнял бровь. Имя Кравцова было ему прекрасно знакомо. Буквально позавчера этот грузный, суетливый купец тайно приходил к нему с просьбой осмотреть один невероятно сложный и ценный механизм.

— И при чем здесь моя мастерская? — спокойно спросил Корнелий. — Вчера пополудни я находился здесь, принимал заказчиков, что могут подтвердить как минимум три уважаемых в городе человека.

Квартальный мерзко усмехнулся и полез в глубокий карман своего сюртука.

— Алиби, значит? Ну-ну. Посмотрим, как ты запоешь сейчас.

Он вытащил на свет заляпанный бурыми пятнами запекшейся крови холщовый мешочек, развязал тесемку и вытряхнул содержимое прямо на идеально чистую платину французских часов, с которыми только что работал Штерн. Звякнув, на металл упал небольшой стальной предмет.

Это был часовой пуансон — тяжелый, с граненой рукояткой стержень, используемый для выбивания осей и штифтов. На его плоской грани, прямо под слоем засохшей крови, четко виднелось клеймо.

— Узнаешь свою игрушку? — издевательски протянул квартальный. — Найдена прямо возле остывающего трупа господина коммерции советника в запертом купе. Твое клеймо, Штерн. Отпираться бесполезно. Собирайся, пойдешь в съезжий дом. Там с тобой следственный пристав Зубов будет разговаривать. Он таких умников, как ты, живо на чистую воду выводит.

Корнелий Штерн не сводил глаз с пуансона. Он действительно принадлежал его мастерской. Более того, он помнил этот инструмент — пару дней назад его непутевый племянник Готлиб брал его, чтобы отправиться к клиенту на Васильевский остров. Сердце часовщика пропустило удар, но на лице не дрогнул ни один мускул. Пружина сжалась. Механизм пришел в движение. Кто-то очень расчетливый и жестокий решил использовать его, Штерна, как слепую шестеренку в своем дьявольском плане.

Защищаясь от нависающего над ним квартального, Штерн отодвинулся вместе со стулом назад. Его острый, натренированный годами работы с микроскопическими деталями взгляд скользнул по фигуре полицейского и остановился на его левой руке, которой тот придерживал край расстегнутого сюртука. Из внутреннего кармана торчал массивный серебряный брелок на грубой цепочке. Квартальный, заметив взгляд мастера, инстинктивно одернул полу одежды, но было поздно. Цепочка натянулась, и из кармана вывалились опечатанные казенной биркой часы с вензелем «И. К.» на крышке.

Это была простая, дешевая серебряная луковица — совершенно не тот великолепный золотой репетир Бреге, который Кравцов оставил ему на ремонт. Но не дешевизна часов поразила Штерна.

Массивный выпуклый циферблат луковицы был безнадежно раздроблен. Стекло осыпалось внутрь, погнув стрелки и обнажив латунные внутренности, застрявшие в причудливо изогнутых осколках эмали. Штерн, привыкший мгновенно считывать положение стрелок, даже под таким углом безошибочно определил время, на котором навсегда замер этот примитивный механизм.

Часовая и минутная стрелки, намертво впаянные ударом в поврежденную платину, показывали ровно четырнадцать минут первого. 12:14.

Мозг Корнелия Федоровича, холодный и точный, как швейцарский хронометр, мгновенно произвел расчет. Он читал во вчерашних «Ведомостях» подробное расписание торжественных мероприятий. Молебен на Введенском канале закончился в полдень. Состав с паровозом «Проворный» и коммерции советником Кравцовым в купе первого класса тронулся от перрона ровно в половине первого, в 12:30.

Если часы убитого разбились и остановились в 12:14, значит, это произошло за шестнадцать минут до отправления состава. Кравцов был мертв, или, по крайней мере, подвергся смертельному нападению еще до того, как локомотив дал первый гудок. А если удар был нанесен на вокзале, то убийство в несущемся поезде — это лишь грандиозная, мастерски исполненная иллюзия. Театральная постановка, в которой ему, часовщику Штерну, отвели роль главного подозреваемого.

Корнелий медленно поднялся с кресла, поправляя обшлага сюртука. В его серых глазах зажегся опасный, холодный огонь человека, нашедшего первую ошибку в чужом, казалось бы, идеальном чертеже.

— Что ж, господин надзиратель, — тихо, но так твердо, что квартальный невольно отступил на шаг, произнес Штерн. — Извольте вести меня к вашему приставу. Кажется, нам действительно есть о чем поговорить.

Глава 2

Съезжий дом Московской части представлял собой угрюмое, казенное здание грязно-желтого цвета, словно впитавшее в свои толстые кирпичные стены всю тоску, грязь и безысходность петербургского дна. Узкие, глубоко посаженные окна, наглухо забранные поржавевшими от времени тяжелыми железными решетками, крайне скупо пропускали внутрь тусклый свет сырого октябрьского утра. От этого в длинных, выкрашенных облупившейся зеленой краской коридорах царил вечный, гнетущий, давящий на душу полумрак. Воздух здесь был спертым, невыносимо тяжелым, сотканным из запахов немытых арестантских тел, прелой соломы из камер, гниющей кислой капусты, доносившейся из кухни на нижнем этаже, застоявшейся в деревянных кадках воды и дешевой ядреной махорки, которую беспрестанно смолили караульные. Сквозь толстые дубовые двери то и дело пробивались глухие стоны, пьяная ругань, лязг засовов и тяжелая поступь подкованных солдатских сапог, эхом отдающаяся под сводчатыми потолками.

Кабинет следственного пристава Евграфа Никаноровича Зубова располагался на втором этаже, в самом конце извилистого коридора, подальше от постоянного шума и суеты дежурной комнаты. Это была довольно просторная угловая палата, однако из-за громоздкой, темного мореного дуба мебели, высоких стеллажей, доверху забитых бумагами, и постоянного, непрекращающегося курения хозяина она казалась тесной, похожей на захлопнувшуюся мышеловку. Стены, некогда оклеенные казенными обоями с блеклым цветочным узором, теперь густо покрылись уродливыми желтоватыми разводами от постоянной сырости, медленно ползущей от фундамента. В помещении тяжело, до рези в глазах, пахло плавленым сургучом, которым опечатывали пакеты с вещественными доказательствами, железистым духом пролитых чернил и тем самым едким кислым табаком, дым от которого сизым, слоистым облаком неподвижно висел под закопченным лепным потолком, крайне неохотно вытягиваясь в приоткрытую форточку.

Сам следственный пристав восседал за массивным, почерневшим от времени канцелярским столом, сплошь заваленным пухлыми картонными папками с делами, туго перевязанными выцветшими тесемками. Евграфу Никаноровичу Зубову шел сорок девятый год. Это был грузный, сильно расплывшийся человек с одутловатым, болезненно-желчным лицом, на котором выделялся крупный, пористый, испещренный красными прожилками нос и маленькие, глубоко посаженные поросячьи глазки, смотревшие на мир с профессиональным, цепким и совершенно безжалостным недоверием. Вопреки своей обманчиво неповоротливой, медвежьей внешности, чиновник обладал умом невероятно хитрым, изворотливым, способным сплести интригу на пустом месте. Его форменный темно-зеленый вицмундир с тускло поблескивающими серебряными пуговицами предательски топорщился на внушительном животе, а короткие, толстые пальцы, унизанные дешевыми перстнями, лениво перебирали какие-то исписанные мелким почерком бумажки, извлеченные из кожаного бювара.

Когда Штерна, в сопровождении хмурого усатого будочника, грубо втолкнули в кабинет, Зубов даже не соизволил поднять своей тяжелой головы. Он продолжал что-то тщательно выводить в журнале, скрипя расщепленным гусиным пером по грубой, шершавой бумаге, намеренно выдерживая томительную, унизительную паузу. Это был старый, проверенный полицейский трюк, призванный заставить подследственного нервничать, переминаться с ноги на ногу, потеть и чувствовать свою абсолютную ничтожность перед лицом неумолимой государственной машины.

Но Корнелий Федорович Штерн остался стоять посреди комнаты, прямой и неподвижный, как идеально сбалансированный маятник башенных часов. Его бледное лицо сохраняло выражение холодного, отстраненного достоинства. Он не собирался играть по правилам этого

мрачного заведения. Часовщик просто смотрел на пристава, педантично изучая его манеры, дыхание и нервные движения пальцев, словно перед ним находилась очередная, не самая сложная, но сильно заржавевшая шестеренка в безнадежно испорченном механизме, требующая обильной смазки и жесткой калибровки.

Наконец, Зубов неторопливо отложил перо, посыпал написанное мелким песком из тяжелой бронзовой песочницы, стряхнул излишки обратно в банку и только после этого медленно поднял свой тяжелый, давящий взгляд на арестованного мастера.

— Ну-с, Корнелий Федорович, — начал пристав вкрадчивым, обманчиво мягким, льющимся голосом, в котором, однако, явственно звенела жестокая сталь. — Давненько мы с вами не виделись. Лет семь почитай минуло, не так ли? С того самого пренеприятнейшего дела о крупной контрабанде швейцарских хронометров, из-за которого вы, помнится, с изрядным позором лишились теплого и доходного местечка при императорском дворе.

— С того самого дела, господин пристав, в котором моя вина так и не была доказана ни одним судом, — сухо, без единой эмоции в голосе парировал Штерн, не меняя своей прямой позы. — Меня подло оклеветали завистники, и вы прекрасно об этом знаете.

Зубов тихо, как-то по-жабьи булькающе рассмеялся, откинувшись на спинку кресла. Старое дерево под его огромным весом натужно заскрипело.

— Доказана, не доказана — это материи юридические, тонкие, я бы даже сказал, эфемерные. Главное, сударь мой, что дурная слава осталась. А репутация в столице, знаете ли, как тончайшая эмаль на ваших хваленых парижских циферблатах — чуть треснула, и уже никакими полировками не восстановишь. И вот, спустя целых семь лет, вы снова изволите сидеть, фигурально выражаясь, в зловонной луже. Да еще в какой глубокой! Зверское убийство коммерции советника.

Пристав с кряхтением выдвинул нижний ящик стола и с театральным, резким стуком положил прямо на заляпанное чернилами зеленое сукно тот самый массивный стальной пуансон со страшными следами запекшейся крови.

— Узнаете вещицу? — ехидно прищурился следователь, постучав ногтем по металлу. — Клеймо вашей мастерской. Четкое, ясное. Орудие найдено прямо возле остывающего тела Ипполита Семеновича Кравцова в наглухо запертом купе поезда первого класса. Все окна плотно зашторены, двери закрыты изнутри на задвижку. Идеальное преступление, господин Штерн. Никого, кроме вас, у кого был бы свободный доступ к таким специфическим инструментам и кто затаил бы давнюю, черную злобу на успешных и богатых господ, у нас в списках подозреваемых нет. Мотив — грабеж или старые счеты. Орудие — ваше. Все сходится идеально.

— Мой пуансон пару дней назад брал мой племянник Готлиб — очевидно, его потеряли или выкрали несколько дней назад, когда он ходил по клиентам на Васильевском острове, — ровно и спокойно ответил часовщик. — Это легко проверить, опросив мастеровых в том районе.

— Проверим, непременно и тщательнейшим образом проверим, — елейно улыбнулся Зубов, беря со стола длинную глиняную трубку и начиная неспешно, с садистским наслаждением набивать ее табаком из кисета. — Только вот пока мои люди будут бегать по Васильевскому и проверять эти сказки, вы, любезнейший Корнелий Федорович, посидите в нашем клоповнике на хлебе и воде. А там, в сырости да в компании татей, глядишь, и чистосердечное признание само собой созреет. Вы ведь человек деликатный, к каторжным условиям совершенно не привыкший. Сломаетесь быстро.

Штерн сделал едва заметный, но очень твердый шаг вперед. Его серые глаза сузились, превратившись в две ледяные, пронзительные щели, в которых отразился тусклый свет из окна.

— Вы допускаете фундаментальную, разрушительную ошибку в ваших полицейских расчетах, господин пристав, — голос Штерна зазвучал чуть громче, разрезая тяжелый, прокурен-

ный воздух кабинета, словно острый хирургический скальпель. — Ваша красивая, сфабрикованная теория мгновенно рушится от одного простого, но непреложного физического факта.

Зубов замер с зажженной серной спичкой в руке. Желтоватый огонек причудливо осветил его внезапно напрягшееся лицо.

— И что же это за спасительный факт, позвольте полюбопытствовать?

— Карманные часы убитого купца, — отчеканил Штерн с безжалостной уверенностью. — Та самая дешевая серебряная луковица, которую ваш не в меру ретивый квартальный надзиратель по глупости и неосторожности выронил из кармана у меня в мастерской, не успев припрятать. Часы безнадежно разбиты вдребезги. Удар, расколовший стекло, погнувший оси и фатально деформировавший латунную платину, намертво зафиксировал стрелки. Они застыли, показывая ровно четырнадцать минут первого.

Пристав медленно, не сводя глаз с часовщика, потушил спичку, так и не раскурив трубку. Его маленькие глазки недобро, тревожно блеснули.

— И что с того? — буркнул Зубов, пытаясь сохранить самообладание. — Механизм сломался во время конвульсий или падения грузного тела на пол вагона.

— Именно так, механизм остановился в момент смерти, — кивнул Штерн, чувствуя, как его логика загоняет пристава в угол. — Механизм остановился в двенадцать часов четырнадцать минут пополудни. А первый пассажирский поезд Царскосельской железной дороги, согласно всем официальным реляциям и поминутному расписанию, отбыл от перрона у Введенского канала ровно в двенадцать часов тридцать минут. Разница составляет шестнадцать минут, господин Зубов. Шестнадцать долгих минут.

Корнелий Федорович позволил себе легкую, холодную, полную интеллектуального превосходства полуулыбку.

— Мертвецы не садятся в поезда своими ногами, господин пристав. Ипполит Кравцов физически не мог быть убит в движущемся составе, потому что он был мертв, или, по крайней мере, получил свой смертельный удар в затылок, за целую четверть часа до того, как локомотив дал первый гудок на отправление. Насилие над коммерции советником произошло еще на стоящем вокзале. А закрытые изнутри двери и плотно задернутые бархатные гардины в несущемся поезде — это лишь искусно созданная механическая иллюзия. Идеальная декорация, призванная запутать следствие. И я, безотлучно находясь в своей мастерской на Большой Морской улице, никак не мог управлять этой сложной иллюзией на расстоянии.

Кабинет погрузился в тяжелую, звенящую, осязаемую тишину. Было слышно только, как за мутным окном нудно моросит мелкий осенний дождь, барабаня по железному карнизу. Лицо следственного пристава на мгновение потеряло свою непроницаемую елейную маску, обнажив истинную суть — жесткую, расчетливую и испуганную. Он вдруг отчетливо понял, что перед ним стоит не запуганный мелкий ремесленник, которого можно легко сломать и заставить подписать признательные показания ради премии и закрытия громкого дела, а человек с блестящим аналитическим умом, способным логически разрушить любую, даже самую изящно сфабрикованную конструкцию.

Зубов медленно, словно нехотя, положил глиняную трубку на стол. Его толстые, потные пальцы нервно забарабанили по зеленому сукну, оставляя на пыльной поверхности некрасивые следы.

— Вы слишком умны для простого цехового мастера, Штерн, — процедил пристав сквозь зубы, и его вкрадчивый тон сменился глухим, угрожающим рычанием. — Слишком умны, слишком наблюдательны и слишком самоуверенны. Это крайне опасные качества в нашем городе. Особенно когда дело напрямую касается коммерческих интересов людей высокого, государственного полета.

— Мое единственное призвание — чинить сломанные механизмы, Евграф Никанорович, — холодно и с достоинством ответил часовщик. — И этот ваш следственный механизм сломан

весьма грубо и непрофессионально. Тот, кто подбросил мой пуансон, не удосужился учесть непреложных законов физики и времени. Если вы попытаетесь отправить меня в камеры с таким шитым белыми нитками обвинением, я немедленно потребую присутствия стряпчего и уважаемых представителей гильдии. Завтра же о парадоксе с разбитыми часами узнает губернский прокурор, а затем — и Палата уголовного суда. Вы абсолютно уверены, что ваши тайные покровители простят вам подобную публичную огласку и скандал?

Зубов густо побагровел. Крупная сизая жила на его толстой бычьей шее вздулась и начала мелко, пугающе пульсировать. Он прекрасно понимал, что этот проклятый немец загоняет его в угол. Прямых, неопровержимых доказательств, кроме несчастного пуансона, у него не было, а факт с остановившимися часами действительно мог в пух и прах разрушить всю ту складную картину, которую он так старательно выстраивал с самого утра.

Пристав тяжело поднялся из-за стола, прошелся по тесному кабинету, нервно заложив руки за спину, и остановился у окна, мрачно глядя на блестящий от дождя булыжник внутреннего двора.

— Хорошо, — наконец глухо произнес он, не оборачиваясь к арестованному. — Ваша взяла. Пока. Улики действительно косвенные, а ваш хронометражный аргумент... имеет определенный юридический вес. Я не стану запирать вас в камеры сегодня. Вы будете отпущены под честное поручительство ремесленной гильдии.

Штерн молча, с достоинством кивнул, прекрасно понимая, что это лишь короткая, временная передышка перед настоящей бурей.

Зубов резко, по-военному развернулся. В его глубоко посаженных глазах теперь плескалась неприкрытая, черная злоба. Он подошел вплотную к часовщику, нависнув над ним своей тучной, массивной фигурой, и ткнул коротким, толстым пальцем прямо ему в грудь.

— Я даю вам всего три дня, Корнелий Федорович, — прошипел пристав прямо в бледное лицо Штерну. — Ровно три дня, чтобы вы сидели тихо, как мышь под веником, и не смели даже носа совать из своей мастерской. Никаких попыток покинуть столицу или уехать в Кронштадт.

Зубов сделал драматическую паузу, его толстые губы скривились в зловещей, презрительной усмешке.

— Вы перешли дорогу людям, для которых жизнь стоит дешевле ассигнационного рубля, — проговорил он медленно, веско чеканя каждое слово. — Если вы попробуете вести свою игру, вас просто найдут в Обводном канале.

— Я услышал вас, — ответил Штерн.

Часовщик круто развернулся и твердым шагом направился к выходу, понимая, что отсчет его времени уже начался.

Глава 3

Зябкий, пронизывающий до самых костей октябрьский вечер уже вступил в свои полные права, когда Корнелий Федорович покинул мрачные, пропахшие кислой капустой и казенной безысходностью своды съезжего дома. Улицы Петербурга утопали в густых, сизых сумерках, сквозь которые лениво и тоскливо сеял мелкий, колючий дождь пополам с мокрым снегом. Нанятый за двугривенный извозчик-«ванька» в худом, насквозь промокшем армяке уныло понукал свою тощую, мохнатую лошаденку, и ветхие, скрипучие дрожки безжалостно трясло на каждой выбоине мокрой торцовой мостовой.

Штерн сидел, подняв воротник своего суконного пальто, и смотрел на проплывающий мимо город невидящим взглядом. Когда дрожки вывернули на широкую перспективу Невского проспекта, глаза резнула неожиданная, почти театральная яркость. Здесь, в отличие от темных окраин с их чадящими конопляным маслом тусклыми фонарями, недавно в порядке опыта зажгли первые газовые светильники. Высокие, изящные чугунные столбы «Общества освещения газом Санкт-Петербурга» источали ровный, мертвенно-бледный, белесый свет, который резко очерчивал контуры проезжающих мимо щегольских рессорных колясок на окованных железом колесах и выхватывал из темноты роскошные фасады каменных особняков.

Этот холодный, искусственный свет, не дающий тепла, как нельзя лучше соответствовал внутреннему состоянию мастера. Угрозы пристава Зубова, его тяжелый, давящий взгляд, прозвучавшее в кабинете упоминание о давнем позоре — все это всколыхнуло на дне души ту самую тяжелую, горькую муть, которую Корнелий столько лет пытался запечатать в себе наглухо. Семь лет назад он точно так же ехал сквозь петербургскую осеннюю слякоть, раздавленный, уничтоженный несправедливым обвинением в пособничестве контрабандистам. Тогда его, молодого, подающего блестящие надежды придворного механика, просто вышвырнули на улицу, лишив патентов и заказов от двора. Никто не стал разбираться, как ящики с нелегальными швейцарскими хронометрами оказались на его складе. Придворные интриганы, завидовавшие его таланту, сожрали его с потрохами, а он, веривший в справедливость и честное слово, оказался совершенно беззащитен перед хищным оскалом чужой алчности.

С тех пор Штерн научился одному: доверять можно только механике. Люди лгут, предают и фабрикуют улики, как это делает сейчас Зубов, чтобы выслужиться перед своими тайными покровителями. Но законы физики обмануть невозможно. Остановившиеся в двенадцать часов четырнадцать минут стрелки дешевой луковицы стали той самой крошечной песчинкой, которая попала в шестеренки полицейской машины и застопорила ее безжалостный ход. Однако пристав дал ему всего три дня. За эти три дня Штерн должен был сам найти того, кто украл его пуансон и убил коммерции советника, иначе гнилые, ледяные воды Обводного канала станут его последним пристанищем.

Дрожки, наконец, свернули на Большую Морскую улицу и со скрипом остановились у дома часовщика. Штерн расплатился с извозчиком, вложив холодную серебряную монету в огрубевшую ладонь мужика, и тяжело поднялся по крыльцу. Дверь его мастерской была наспех, кое-как прибита кривыми досками — наглядные следы утреннего варварского визита квартального надзирателя.

Едва Корнелий Федорович перешагнул порог, из полумрака разгромленной комнаты, спотыкаясь о перевернутые ящики, к нему бросился молодой человек. Это был Готлиб — девятнадцатилетний племянник Штерна, единственный родственник, которого часовщик взял к себе в подмастерья после смерти сестры. Юноша был бледен как полотно, его русые, обычно аккуратно зачесанные волосы в беспорядке спадали на лоб, а сюртук был помят и густо перепачкан мелом.

— Дядюшка! Слава Создателю, вы живы! — Готлиб вцепился дрожащими пальцами в мокрый рукав Штерна. Глаза его расширились от нескрываемого ужаса. — Я пришел час назад, а здесь… здесь все разбито! Мадам Шерер из лавки напротив сказала, что вас увезли будочники и обвиняют в убийстве коммерции советника Кравцова! Но ведь это безумие! Вы не могли!

Штерн аккуратно, но твердо отстранил от себя племянника, снял промокшее пальто и повесил его на чудом уцелевший медный крючок. Он прошел в центр мастерской, хрустя по паркету осколками стекла от разбитых витрин, и зажег уцелевший масляный кенкет. Желтоватый свет выхватил из темноты истинные масштабы погрома: раздавленные латунные детали, разорванные чертежи, перевернутый зеленым сукном вниз рабочий верстак.

— Возьми себя в руки, Готлиб, — ровным, лишенным эмоций голосом, от которого веяло могильным холодом, приказал Штерн. — Истерикой мы ничего не починим. Сядь и отвечай на мои вопросы прямо и без малейшей утайки. Это вопрос жизни и смерти.

Готлиб тяжело осел на колченогий табурет, нервно теребя пуговицу на сюртуке. Его губы мелко дрожали.

— Мой стальной часовой пуансон, — медленно, чеканя каждый слог, произнес Корнелий Федорович, нависая над племянником. — Инструмент с личным клеймом моей мастерской. Где он, Готлиб?

Юноша вздрогнул, словно от удара плетью, и побледнел еще сильнее, приобретя землистый оттенок. Он судорожно сглотнул и отвел взгляд, уставившись на раздавленный балансир, сиротливо валявшийся у его ног.

— Дядюшка, я… я не знаю, — пролепетал он, заикаясь. — Я клянусь, я собирался вам сказать, но боялся вашего страшного гнева.

— Где он? — голос Штерна стал еще тише, но от этой обманчивой тихости юноша втянул голову в плечи.

— Четыре дня назад… — сдавленно заговорил Готлиб, проглатывая окончания слов. — Вы отправили меня на Васильевский остров, отнести починенные каминные ходики жене надворного советника. Я взял ваш пуансон из ящика, потому что мой сломался накануне, а там нужно было срочно подогнать штифт на месте. Но… на обратном пути я зашел в один трактир в Гавани. Там собираются студенты, вольнодумцы. Мы обсуждали идеи господина Сен-Симона, свободу, всеобщее равенство, новое справедливое общество…

Штерн закрыл глаза и с силой потер переносицу. Утопические, разрушительные идеи французских философов, которыми в последнее время бредил его племянник, давно стали главной причиной их постоянных ссор.

— Продолжай, — глухо велел мастер.

— Я брал заказы от сомнительных людей, дядюшка. Мне отчаянно нужны были деньги, чтобы расплатиться с типографщиком за печать запрещенных брошюр. Вы бы не дали мне ни гроша на эту святую борьбу. И в том трактире… я выпил лишнего. А когда вернулся домой, пуансона в моем кожаном саквояже уже не было. То ли я оставил его на столе в трактире, то ли кто-то вытащил его, пока я спорил о судьбах трудящегося сословия. Я испугался, дядюшка! Я искал его потом везде, но так и не нашел!

— Зато его нашел следственный пристав Зубов, — безжалостно оборвал его исповедь Штерн. — На полу запертого купе первого класса, в луже крови убитого коммерции советника.

Готлиб издал сдавленный, полный животного ужаса стон и закрыл лицо руками. Его худые плечи сотрясались от беззвучных рыданий. Он наконец понял, что своими нелепыми политическими тайнами и юношеской безалаберностью подвел дядю под петлю или вечную сибирскую каторгу.

Несколько долгих минут в разгромленной мастерской было слышно только тиканье уцелевших настенных часов и всхлипывания молодого человека. Штерн стоял неподвижно, глядя

на племянника со сложной смесью гнева и горькой, стариковской усталости. Юноша был отчаянно глуп и наивен, он верил в красивые, но совершенно пустые слова о всеобщем равенстве, абсолютно не понимая, что в реальном мире, где правят капиталы и государственная власть, такие, как он — всего лишь слепые пешки в чужой жестокой игре.

Корнелий Федорович подошел к Готлибу и тяжело положил руку ему на плечо.

— Слезами делу не поможешь. Ошибка сделана, важная деталь безвозвратно сломана. Теперь нам предстоит разобрать весь этот механизм по винтику и найти того, кто украл пуансон, чтобы фабриковать против меня улики, — голос мастера стал чуть мягче, но сохранил стальную, непреклонную твердость. — Иди в свою комнату наверх. Запри дверь на все засовы и никуда не выходи до моего личного позволения. Что бы ни случилось этой ночью, ты ничего не знаешь и ничего не видел. Ты меня понял?

Готлиб судорожно закивал, вытирая мокрое от слез лицо рукавом сюртука, и, спотыкаясь о разбросанные вещи, поспешно скрылся за узкой дверью, ведущей на чердачную лестницу.

Оставшись в абсолютном одиночестве, Штерн подошел к входной двери, наглухо задвинул тяжелый железный засов и для верности подпер покосившиеся створки массивным дубовым брусом, служившим ему наковальней. Затем он тщательно задернул плотные бархатные шторы на окнах, полностью отрезая мастерскую от темнеющей, промозглой улицы. Убедившись, что за ним никто не наблюдает с мостовой, мастер пересек комнату и остановился у дальней кирпичной стены, наполовину скрытой за высокой, чудом устоявшей конторкой.

Здесь, намертво вмурованный в толстую кирпичную кладку дома, скрывался тяжелый железный сейф, выписанный им еще несколько лет назад из Англии. Этот огнеупорный тайник был единственной вещью, которую тупые будочники не смогли найти в своем разрушительном полицейском рвении — он был искусно, заподлицо замаскирован панелью красного дерева.

Штерн достал из потайного кармана жилета сложный перфорированный ключ, вставил его в невидимую скважину и дважды повернул, нажав затем на скрытую пружину сбоку. Внутри массивной дверцы с глухим, приятным уху щелчком мягко отошли стальные ригели. Сейф открылся, пахнув сухим, застоявшимся воздухом.

На бордовой бархатной подушечке, в самом центре пустой стальной полки, тускло и благородно поблескивал массивный золотой предмет.

Корнелий Федорович бережно, кончиками пальцев, достал его и поднес поближе к свету масляного кенкета. Это был тот самый карманный репетир, созданный в 1812 году в парижских мастерских великого Абрахама-Луи Бреге. Тяжелый, с великолепным эмалевым циферблатом, тонкими стрелками синеного металла и невероятно сложной внутренней архитектурой.

Утром, в кабинете пристава Зубова, Штерн блефовал лишь наполовину. Разбитая серебряная луковица, найденная у убитого Кравцова на вокзале, действительно остановилась в четырнадцать минут первого. Вот только эта дешевая штамповка никогда не принадлежала богатому коммерции советнику. Истинные часы Кравцова, из-за которых, очевидно, и разыгралась вся эта кровавая драма с пуансоном, никуда не исчезали.

Два дня назад, тайно, под покровом ночи, Ипполит Семенович лично принес этот старинный золотой репетир в мастерскую на Большой Морской и, нервно озираясь, умолял мастера починить заедающую потайную нижнюю крышку.

Штерн медленно провел большим пальцем по гладкому, теплому золоту корпуса. Настоящий козырь убитого был в его, простого часовщика, руках. И теперь этот роскошный, неумолимо тикающий золотой механизм был его единственным шансом доказать свою невиновность или верным, прямым билетом на эшафот.

Глава 4

Глубокая, непроглядная осенняя ночь плотно укутала Санкт-Петербург, погрузив Большую Морскую улицу в вязкую, звенящую тишину. За наглухо зашторенными окнами мастерской ветер уныло гонял по мокрым булыжникам опавшую листву, изредка стуча сорванной жестью водосточной трубы по кирпичной стене. Снаружи город замер в холодном оцепенении, но здесь, в небольшом пространстве, отгороженном от остального мира тяжелым дубовым брусом у входной двери, время продолжало свой неумолимый, размеренный бег.

Корнелий Федорович Штерн привел в порядок свой рабочий угол. Осколки разбитых витрин были сметены в дальний угол, перевернутый верстак возвращен на свое законное место, а его зеленое сукно тщательно очищено щеткой от малейших песчинок и пыли. На краю стола, прямо перед мастером, горел высокий латунный кенкет с полированным рефлектором, направляющим ровный, концентрированный сноп золотистого света строго на центр рабочего поля.

Штерн медленно, с ритуальной сосредоточенностью, разложил перед собой на чистой замшевой салфетке свой уцелевший хирургический арсенал: тончайшие стальные пинцеты с загнутыми кончиками, миниатюрные отвертки с рифлеными ручками, деревянные колышки для чистки камней, грушу для обдува и целый ряд разнокалиберных луп в черных роговых оправах. На его лице больше не было ни тени недавнего гнева, ни усталости, ни тревоги из-за угроз пристава Зубова. Осталась лишь абсолютная, кристальная концентрация мастера, готовящегося к встрече с шедевром.

В самом центре суконного поля, на специальной пробковой подставке, лежал золотой карманный репетир Абрахама-Луи Бреге.

Корнелий Федорович осторожно, кончиками сухих, не знающих дрожи пальцев взял тяжелый корпус. Золото приятно холодило кожу, но уже через мгновение приняло тепло рук мастера. Штерн вдел в правый глаз самую сильную двенадцатикратную лупу и низко склонился над часами, вступая в безмолвный диалог с гением парижского механика.

Первым делом часовщик изучил внешнюю оболочку. Высокопробное червонное золото было отполировано до зеркального блеска, лишь по самому краю рантов шел тончайший гильошированный узор, призванный скрывать следы от пальцев. На безупречно белом эмалевом циферблате арабскими цифрами с изящным наклоном были выведены часы, а две тончайшие, вороненые до глубокого синего цвета стрелки с фирменными «яблоками Бреге» на концах плавно скользили по кругу. Секундная стрелка, вынесенная на отдельный малый циферблат у отметки «шесть часов», отсчитывала доли времени с сухой, безупречной точностью.

Штерн поднес часы к самому уху и нажал на боковой ползунок репетира, взводя механизм боя. В тишине мастерской раздался чистый, хрустальный, невероятно мелодичный перезвон двух миниатюрных гонгов, отбивших сначала часы, а затем четверти. Звук был настолько ясным и глубоким, что казался живым. Ни малейшего дребезжания, ни единого сбоя в интервалах. Пружина боя работала безукоризненно.

Корнелий Федорович открыл верхнюю пылезащитную крышку с помощью тонкого стального ножа. Взору мастера открылось истинное чудо инженерной мысли 1812 года. Латунная платина, покрытая благородной матовой позолотой, удерживала сложнейшую систему зубчатых колес, каждое из которых было отполировано вручную. Рубиновые камни в золотых шатонах вспыхивали в свете кенкета крошечными алыми искрами. Спираль баланса дышала ровно, с математической грацией сжимаясь и разжимаясь, поддерживая идеальную изохронность хода.

Штерн тщательно, миллиметр за миллиметром, исследовал каждый узел через лупу. Следов недавнего вмешательства не было. Масло на цапфах оставалось прозрачным и свежим, ни

один шлиц на микроскопических винтах не был сорван неумелой отверткой. С точки зрения часового искусства этот репетир не нуждался в ремонте. Он был абсолютно исправен.

Однако, перевернув корпус в ладони и взвесив его на кончиках пальцев, опытный механик нахмурился. Его глубокий лоб прорезала резкая складка. За два десятилетия работы через руки Корнелия Федоровича прошли сотни золотых карманных часов лучших европейских домов, и его мышечная память обладала точностью аптекарских весов. Этот репетир был тяжелее, чем полагалось часам подобного калибра. Разница составляла всего несколько золотников, но она была неоспоримой. Центр тяжести корпуса оказался заметно смещен к задней, глухой крышке.

Штерн перевернул часы циферблатом вниз и снова вооружился лупой. Задняя золотая крышка была украшена сложным, мастерски выполненным гравированным гербом — переплетенными инициалами прежнего французского владельца в обрамлении лавровых ветвей. На первый взгляд она представляла собой единый, монолитный кусок драгоценного металла. Никаких петель, никаких зазоров, ни единого намека на то, что она способна открываться.

Но Штерн вспомнил слова покойного коммерции советника Кравцова, сказанные в этой самой комнате два дня назад. Грузный, покрытый испариной купец тогда нервно озирался на окна, сжимал часы в потном кулаке и хриплым шепотом умолял: *«Сделай, немец, открой нижнее дно, не сломав. Там внутри такое, что весь Петербург на колени поставит. Только не вздумай ковырять долотом — испортишь гравировку внутри, и грош ей тогда цена»*.

Мастер взял тончайшую стальную иглу и с ювелирной осторожностью провел ее острием вдоль самого края задней крышки, по тонкой бороздке, отделяющей ее от основного корпуса. Игла скользила гладко, но в одном месте, строго напротив заводной головки, острие уловило едва заметное, микроскопическое изменение плотности металла. Стык был подогнан с такой феноменальной, почти нечеловеческой точностью, что увидеть его невооруженным глазом было совершенно невозможно. Лишь под двенадцатикратным увеличением становилась различима волосяная линия, уходящая в глубь корпуса.

Это была потайная крышка. Двойное дно, скрывающее между основной платиной механизма и внешней золотой стенкой узкую, но герметичную полость.

Штерн отложил иглу и задумался, барабаня длинными сухими пальцами по зеленому сукну. Если крышка не имеет внешних петель и защелок, значит, ее запорный механизм интегрирован непосредственно в основной часовой калибр. Великий Бреге, как и его лучшие ученики, обожал подобные механические головоломки, создавая тайники для дипломатов, шпионов и аристократов эпохи наполеоновских войн. Чтобы открыть такой замок, требовалось воздействовать на один из штатных органов управления часами.

Часовщик осторожно взял репетир левой рукой, а большим и указательным пальцами правой взялся за рифленую головку подзавода. Он попробовал слегка потянуть ее вверх, рассчитывая освободить скрытый фиксатор, но головка сидела мертво, удерживаемая тугим штифтом. Тогда Штерн изменил вектор усилия и с равномерным, возрастающим давлением нажал на головку строго вертикально, вдавливая ее внутрь корпуса.

Головка подалась вниз на какую-то долю миллиметра. И в ту же секунду в самой глубине золотого корпуса, прямо под платиной, раздался сухой, едва уловимый ухом микроскопический щелчок.

Штерн замер, не ослабляя нажима, и внимательно осмотрел стык потайной крышки. Ничего не произошло. Золотая поверхность оставалась такой же монолитной и неприступной. Ни малейшего зазора не появилось.

Мастер медленно отпустил головку, и она с тихим металлическим вздохом вернулась в исходное положение. Корнелий Федорович нахмурился еще сильнее. Щелчок внутри корпуса означал, что первичная защелка действительно сработала, сместив какой-то внутренний рычаг. Но почему крышка не откинулась? Механизм замка не был заржавевшим или сломан-

ным — звук был слишком чистым, сухим и отчетливым. Это означало лишь одно: внутренний запорный штифт уперся в глухую стенку, потому что не было соблюдено второе, обязательное условие.

Подобные секретные замки работали по принципу двойного ключа. Нажатие на головку подзавода освобождало только первый контур, но второй блокиратор напрямую зависел от положения колесной системы самого механизма. Проще говоря, потайная крышка могла открыться лишь в том случае, если нажать на головку в строго определенный момент времени, когда вырез на одном из внутренних дисков, жестко связанных со стрелками, совпадет с ходом запорного рычага.

Штерн откинулся на спинку стула, снял с глаза лупу и уставился на золотой циферблат. Стрелки бесстрастно показывали половину второго ночи.

В тишине мастерской громко, размеренно тикали десятки часов, словно насмехаясь над человеком, пытающимся разгадать их тайну. У Корнелия Федоровича не было времени на слепой перебор всех семисот двадцати возможных комбинаций минут и часов. За стенами этого дома рыскали люди пристава Зубова, в Обводном канале ждала ледяная могила, а в его руках тикала бомба, которая уже стоила жизни одному богатому купцу. Комбинация должна была быть простой, логичной и известной лишь тем, кто создавал этот шифр или владел им.

Часовщик бережно положил репетир обратно на пробковую подставку, накрыл его стеклянным колпаком от пыли и потушил кенкет, погрузив комнату в густой полумрак. Завтра с рассветом ему предстояло отправиться на место преступления. Чтобы открыть замок этих часов, нужно было сначала понять, как именно остановился другой, гораздо более страшный механизм — жизнь коммерции советника Кравцова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.